

ИВЕРСКИЙ ЛИСТОК

По благословению
митрополита Нижегородского
и Арзамасского Георгия

Издание Иверского женского монастыря г. Выкса, Выксунская и Павловская епархия

№8 (121)
Август 2018 г.

Митрополит Николай (Ярушевич)

◆ Проповедь

В ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ (19 августа)

Сегодня, мои дорогие, мы празднуем великий для нас день Преображения Господня. Еще раз в своей жизни в этот праздник мы духом присутствуем на Фаворской горе. Очами веры мы видим вместе с апостолами Петром, Иаковом и Иоанном, восшедшими со Спасителем на вершину этой горы, славу Божию в священные минуты этого события. Оно произошло незадолго до Крестных страданий и смерти нашего Спасителя.

Вы знаете, что Сын Божий, сходивший на нашу землю для вечного спасения людей, явился не в Своей Божественной славе, — иначе Его Божественный свет ослепил бы очи грешных людей, — но пришел на землю в уничиженном виде, прикрыв Свое Божество образом человека. А здесь, на горе Преображения, Он показал Себя в сиянии той славы, в которой Он пребывает от века и в которой увидят Его те из нас, кто своей земной жизнью будет этого достоин.

На горе Преображения апостолы увидели рядом с преобразившимся Господом пророка Моисея и пророка Илию. Моисей жил за тысячу шестьсот лет до Рождества Христова, пророк Илия — за девятьсот лет. Значит, — пророки Моисей и Илия не мертвые, но живые. Они живы были и тогда, когда их видели в этот день апостолы; живы и сейчас, живы будут и в бесконечных веках, потому что Бог наш, в Которого мы веруем, как говорит Слово Божие, «не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22, 32). У Господа все живы. И апостолы, созерцая пророков, явившихся им на это мгновение из небесного мира, видели в этом явлении живое подтверждение слов Господа Иисуса Христа: «Верующий в Меня имеет жизнь вечную» (Ин. 6, 47).

Так это священное событие, которое мы сегодня прославляем, открывает тайну о жизни вечной, в которую уже вошли наши прадеды, деды, отцы, войдет и каждый из нас. Больше того, каждый из нас уже здесь на земле, на коротком отрезке времени, данном ему Господом для земной жизни, уже начинает этот путь жизни вечной, ибо уже никогда не умрет ни моя, ни твоя, ни чья-либо душа — ни душа верующего, ни душа нераскаянного грешника. Мы

Тропарь праздника Преображения глас 7

Преобразился еси на горе,
Христе Боже,/ показавый
учеником Твоим славу Твою,/ якоже можаху,/ да возсияет
и нам, грешным,/ свет Твой
присносущный/ молитвами
Богородицы// Светодавче,
слава Тебе.

все войдем в вечную жизнь, хотя и не все войдем в вечную славу. В «радость Господа Своего» войдет только тот, кто проживет земную жизнь достойно священного имени сына своего Небесного Отца; кто стремится к Господу, как дитя к груди своей любимой матери; кто ищет Господа и в скорби и в радости, ощущая прикосновение Его отеческой руки, которой Он ведет каждого из нас к Себе, и видя на всем своем земном пути Божественный Промысл.

Св. евангелист говорит нам, что пророки Моисей и Илия, явившиеся на Фаворе, не молча стояли около Спасителя: сами осененные Божественным Све-

том, они беседовали с Ним. И апостолы слышали о чем: о кончине Спасителя, о близких, уже предстоящих Крестных страданиях Господа Иисуса Христа. Они стремились проникнуть в тайну этих Крестных страданий, потому что страдания и смерть нашего Спасителя — это воистину тайна. Это — тайна любви Божией, по которой Отец Небесный послал Своего Сына для того, чтобы Он, взяв на Себя грехи каждого из нас, пострадал и принес искупительную жертву на Голгофском Кресте. Это — тайна правосудия Божия, по которому Господь осуждает грех, но прощает каждого кающегося грешника во имя Своих Крестных страданий. Это великая тайна премудрости Божией, по которой Господь благоволил дать людям через страдания Своего Божественного Сына право войти в вечную жизнь и наследовать в ней все те блага, какие, по слову Божию, приготовлены у Господа любящим Его (1 Кор. 2, 9).

Если эти Крестные страдания Спасителя нужны были для спасения человечества, то разве это не является свидетельством того, что в каждом из нас есть то, что вызывало необходимость этих страданий, о которых пророки беседовали с Господом на горе Преображения? Значит, в нас есть не только плоть и кости, которые мы носим. Если бы мы состояли только из них, за что же было бы страдать за нас Господу? За прах, в который мы обратимся после смерти? Эти Крестные страдания необходимы были потому, что, кроме плоти и костей, которые мы носим, в нас есть бессмертная душа, и за счастье этой бессмертной души и нужна была Крестная смерть нашего Господа.

Так и пророк Моисей и пророк Илия не только своим соприсутствием с Господом на горе Фаворе, но и беседой своей с Ним говорят нам о тайне вечной жизни и о бессмертной нашей душе.

На горе Преображения перед лицом изумленных учеников Господь Иисус Христос на несколько мгновений открыл не только Свою славу, но и славу Царства Небесного, горного Иерусалима, в котором Он встретит души Своих апостолов, когда они окончат свой земной подвиг мученической смертью.

(Окончание на 2стр.)

(Продолжение. Начало на 1 стр.)

И когда перед апостолами открылись двери небесного Иерусалима, и они увидели славу Спасителя и свет Небесного града, они пережили такое чувство радости, с которой воскликнул апостол Петр: «Хорошо нам здесь быть» (Лк. 9, 33). Он не нашел других слов, чтобы выразить всю радость, которая заполняла его душу и души других апостолов, свидетелей Преображения. На этой горе Господь дал почувствовать Своим ученикам то, что их ожидает в вечной жизни.

Все вы хорошо знаете, мои дорогие, что земная жизнь перейдет в жизнь, не знающую конца. И в сердце истинного ученика Христова, если мы живем по заповедям Божиим, живем с Господом на пути земной жизни, живет и предвкушение, предчувствие наших вечных благ и вечных радостей, какие ожидают истинных детей Божиих в Небесном Царстве.

Когда с верою, любовью и со страхом Божиим, после очищения себя благодатию покаяния, православный христианин приобщается Божественного Тела и Животворящей Крови Господа, он, соединяясь с Господом и духом и телом, носит Радость общения с Господом и предвкушает ту радость, которая будет заполнять его при вечном общении со Сладчайшим Спасителем.

И чем ближе мы к Богу своей молитвой, своим покаянием, добрыми делами и жаждой спасти свою душу, тем больше и больше мы живем этой ожидаемой нами радостью, предвкушаем ее, еще не войдя в жизнь загробную.

Священное событие Преображения

Господня напоминает всем нам о том, мои дорогие, что для того, чтобы войти в ту славу, какую Господь показал на Фаворской горе, какую обещает Своим верным детям, какую мы предо- щущаем здесь на земле, мы должны преображать свою душу в дни земной жизни. Мы должны обновляться, вос- становливать в себе искажаемый гре- хами образ Божий, чтобы он воссиял в каждом из нас до конца этой жизни, за которой начинается новая жизнь.

Сотворив первого человека, Господь запечатлел в его душе Свой образ. Этот образ в человеке составляется из любви, милосердия, чистоты, терпения, смирения — всего того, чем Господь Иисус Христос Сам прославил Себя в дни Своей земной жизни. Чистыми мы вышли из св. купели Крещения. Но нашими грехами и страстями этот образ Божий беспрерывно омрачается, покрывается грязью нашей порочной жизни. И потому мы должны обновлять его в себе в течение всей своей жизни, освобождаясь от нечистоты и пороков и украшая душу добродетелями.

Так, событие Преображения Господня напоминает нам о долге преображения нашей души. И потому с особой силой в этот день в наших сердцах звучат слова Христовы: «Бодрствуйте и молитесь» (Мк. 14, 38). Господь велит нам бодрствовать сердцем, а бодрствовать — значит быть подобным страже, которая бережет какое-нибудь здание от нападения на него вора или злого человека. Эта стража обходит свое здание со всех сторон — и не один раз из опасения, чтобы или через дверь, или через окно, или через крышу не проник в него какой-нибудь злой человек.

Так надо охранять нам все ходы, через которые грех вползает в наше сердце. А он вползает бесчисленными путями: через глаза, когда они смотрят на то, что возбуждает греховное чувство и влечет ко греху; через уста, когда они произносят бранные, скверные, лживые, клеветнические, осуждающие друг друга слова. Он входит через наши помыслы, он поднимается со дна нашей души, когда мы даем свободу живущей в нас наклонности к греховной жизни.

Мы должны быть стражами своего сердца, потому что грех лишает нас радости чувствовать в себе Господа, отнимает сладость предвкушать и будущую радость общения со Спасителем.

Мы и просим в сегодняшний день, когда Господь преобразился на Фаворе и показал славу Свою и свет нерукотворного духовного града Иерусалима, чтобы Он осветил и наши грешные души Своим светом присносущным и Своей Божественной благодатью помог нам грешным пройти земной путь достойно того призыва, к которому мы все предназначены, — быть небесными гражданами горнего Иерусалима.

Живите с Господом и умирайте с Господом! И пусть ваше сердце еще здесь, на земле, учится предвкушать радость увидеть Господа, Ему поклониться и с Ним быть в бесконечных веках.

Когда Господь пресечет земную жизнь каждого из нас, да откроются, мои дорогие, перед нами, по милости Божией, двери небесного Иерусалима!

И радости нашей тогда никто и ничто не отнимет от нас.

Москва, Преображенская церковь, 1957 г.

ТВОРЯЩАЯ ТИШИНА

Бесшумно проносятся птицы,
Бесшумно плывут облака,
Бесшумно листок шевелится
Под легкой рукой ветерка.
Бесшумно струится паденье
Лучей с голубой высоты,
Бесшумно идет превращенье
На флоксах бутонов в цветы.
Развилины яблонь ветвистых
Тяжелые яблоки гнут,
И медленно сок сахаристый
Ствола материнского пьют.
Весь сад плодоносит и дышит,
В нем мир и покой без конца,
И в солнечном этом затишье —
Творящая сила Отца!

Этим летом легко молиться.
В тихий август душа тиха.
Словно ризы Твои, Царице,
В золотых огоньках луга.
В ясный август небес сиянье
Озаряет Твой Покров,
И приносят благоуханье
В дар Тебе островки цветов.
А щедроты земли прогретой —
Милость ласковая Твоя.
Тихо служит вечерню лето
Перед утреней сентября.
Речка — зеркало. Созерцанье...
Пышный август так мудро прост.
Пред иконами предстояние.
Всесарице-Успенский пост.

Б. А. Алмазов

ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

Настоящего голода, какой пережила моя бабушка в блокаду, а мама на Ленинградском фронте, я не помню, но голодные времена застал. После войны бабушка, мама и я буквально перемогались в Ленинграде, получая хлеб по карточкам, и все мечтали: «Вот приедем на Дон...»

Возвращаясь домой после многочасовых стояний в очередях за мукой, которую только начали продавать, после давки, духоты и истерических слухов: «Кончились! Больше не будет!», мы приносили три пакета — бабушкин, мамин и мой, и вот тут-то начинались воспоминания о каких-то сказочных временах, о невероятных урожаях и пышных казачьих калачах... Мне эти рассказы казались фантастическими, как легенда про золотые яблоки! Разве могут быть яблоки из золота?

Но я тоже мечтал. Мечтал и надеялся...

И наконец мы поехали в голубые степи, в края коньшней и маков, прозрачных рассветов, пшеничных кара-ваев и всех земных плодов. А когда добрались до нашего хутора, нас настиг голод.

Все оказалось неправдой! Степь была не голубой, а удушающе пыльной, пожухлой. На иссеченной трещинами голой земле, как спицы, неподвижно стояли пустые колосья, и над всем этим — тусклое от жары солнце в белесом мареве засухи... Бродили коровы с выпирающими маслами, лошади, глядящие по-человечьи измученно и покорно.

Мужчины были в основном инвалиды, вернувшиеся с войны, с ввалившимися глазницами, обтянутыми потрескавшейся кожей скулами и лихорадочным блеском в глазах. До сих пор помню их ссутуленные плечи и огоньки бесконечных самокруток, угольками вспыхивающие в черных кулаках. Женщины с тонкими, горько поджатыми губами и коричневыми лицами под низко надвинутыми платками. Ребятишки, молчаливые, пузатые, тихо выискивающие по канавам и у провалившихся плетней какие-то съедобные корешки и щавель, постоянно жевали.

Нас спасли два вещевых мешка сухарей. Ежедневно утром и вечером мы извлекали оттуда два сухаря, и бабушка внимательно следила, как

я их ем: «Чтобы по-людски, за столом, не торопясь, чистыми руками, обязательно прихлебывая из миски отвар свекольной ботвы. Не в сладость, а в сытость...»

Боже мой, а что же они с мамой ели? Что вообще ели взрослые, если детей кормили лепешками из лебеды?

* * *

И вот однажды, когда я искал с соседским мальчишкой какие-то «каланчики» и ел их на огороде, его сестренка, бледная, как бумага, даже под степным солнцем, с белыми косицами, в выгоревшем до белизны плаще, появилась среди пустых грядок и позвала меня:

— К вам дядька на бричке приехал!

И точно. В нашем дворе стояла таратайка. Лошадь дергала кожей на животе, отгоняя мух.

И уже здесь я почувствовал идущий от тележки запах. Я влетел на крыльце и наткнулся на целый пласт этого аромата. Он стоял как раз на уровне моего носа. Из сеней запах потащил меня в комнату к бабушкиному комоду. Там, во втором ящике, под старенькой простыней, я увидел четыре огромных, душистых белых каравая с высокими пористыми боками, блестевших масляной корочкой. От их запаха у меня кружилась голова, но впиться в хлеб, разломать его, откусить я не посмел. С великой натугой я закрыл комод.

— Нечто! — доносился из соседней комнаты мужской голос. — По крайности, войны нет... Сдюжим... А в июле сколь-нибудь соберем. Местами хлеб есть...

— Егорушка! — ахала бабушка. — Да что ж ты все нам, у тебя своих пятеро...

— А у меня еще есть. Это нам артельный на трудодни зерно выдал, дай ему Бог здоровья. И где взял? А я так думаю... — сказал он, поворачиваясь ко мне. — У моих-то — отец, вот он, с руками и ногами, а ему кто, сироте, даст?

Это была самая больная струна в моем сердце, и он потянул за нее, этот незнакомый голубоглазый, словно вылинявший от солнца Егор.

— Все же вы гости! Из Ленинграда! В родные как-никак места вернулись, и тут голодовать... Это и дедушке твоему от меня благодарность! — он протянул ко мне руку, и я весь сжался, как от удара: «Сироту жалеет! Добренький!» — Бывало, придет твой дедушка в класс, — гудел Егор, — высматрит, кто совсем пропадает, да и сунет ему тишком сухарик от своего пайка. Мне сколь разов перепадало. Святой был человек, я с его грамоты пошел...

Я возненавидел Егора. Меня затрясло от его белозубой улыбки и жалостливых глаз. И как я, пятилетний недомерок, сообразил, чем большее ударить его?!

(Начало. Окончание на 4 стр.)

Детская страничка

(Окончание. Начало на 3 стр.)

— А что это у нас в доме так навозом тянет?

«Вот так тебе! — подумал я. — Пришел. Расселся. Жалеет. Разговаривает!»

Запах от Егора шел густой, в нем мешались конский и человеческий пот, махорка и духота овечьего закута.

Егор заморгал белыми ресницами, нахлобучил бесформенную папаху и суетливо заторопился.

— И то! И то... — забормотал он. — Спим-то посреди отары... Принюхавши... Вы уж извините! Надо бы сперва в баню... Но я хлебца вам теплого, из печи чтобы, хотел...

* * *

Когда я ел божественно пахнущий ломоть, грыз хрустящую корку, тонул в белопенном мякише, чувствуя щеками его живое тепло, я не понимал, какой поступок совершил. И только потом, когда томление сытости стало склеивать мне веки, я удивился, почему это после ухода Егора ни мама, ни бабушка не сказали мне ни слова. Мама сидела, забившись в угол старенького диванчика, а бабушка гремела посудой.

Это же надо — взрослому человеку... — наконец проронила бабушка, забирая у меня тарелку с куском, который я не смог одолеть. — Стыд какой!

— Как стыдно! — мама поднялась и стала ходить по комнате, ломая пальцы. — Он в степи под градом и холодом, под молниями и суховея-

ми, круглый год один, среди овец...

— У него своих детишек голодных пятеро, а он тебе первому... Я плохая бабушка! Я не умею тебя воспитать! — Это была самая страшная фраза.

Через час такой пытки я уже рыдал, понимая весь ужас совершенного мною поступка.

— Что же мне теперь делать? — закричал я, захлебываясь слезами.

— Сам набедил — сам и поправляй.

— Да как же я у него прощения попрошу, если он уехал?

— А что ты думал, когда обижал? Ты же нас всех, нас всех — и дедушку, и папу, и нас с мамой — на всю жизнь опозорил...

— Он недалеко живет! — обронила мама. — За оврагом, у кладбища.

— Так ведь темно уже! — кричал я, леденея от мысли, что придется идти оврагом, где и днем-то страшно. — Меня бугай забадает!

— Бугай в сарае спит давно.

— Меня волки съедят!

— Пусть! — отрезала бабушка. — Пусть у меня лучше не будет внука, чем такой внук свинья неблагодарная!

— Он ведь хлеб! Он ведь хлеб тебе привез... — прошептала мама.

На улице было действительно со всем темно. Все привычное и незаметное днем переменилось, выросло и затаило угрозу: и плетни вдруг поднялись, как зубчатые стены, и беленные стены хат при луне вдруг засветились мертвенно и хищно... Спотыкаясь и поскуливая, я вышел к оврагу, где огромным чернильным пятном

лежала темень. Я пытался зажмуриться, но глаза от страха не закрывались, а норовили выскоичить из орбит. Рыдая, я опустился на дорогу, где под остывшим слоем пыли еще таилось дневное тепло. Домой повернуть было невозможно. «Ты нас всех опозорил!» — звенело в голове.

— И пусть! — шептал я. — Пусть меня сейчас волк съест и не будет у них меня! — я пытался представить, как все по мне плачут. Но картина не получалась, потому что я знал: вина —то моя не прощенная! И виноват я по уши! «У него своих детишек пятеро голодные сидят, а он тебе хлеб привез!»

Из темноты вдруг высунулась огромная собачья голова, ткнулась холодным мокрым носом в мой голый, втянутый от страха живот, пофырчала мне в ухо и скрылась.

Как во сне, я поднялся, перешел черный овраг и, стараясь не смотреть в сторону кладбища, вышел к Егорову куреню. Окна не светились... И тогда я зарыдал в голос, потому что все было напрасно: Егор спит, а завтра он уедет и никогда не простит меня!

— Кто здесь? — на огороде вдруг осветилась открытая дверь бани.

— Дядя Егор! — закричал я, стараясь удержать нервную икоту. — Это я! — И, совсем сомлев от страха и стыда, почему-то совершенно замерзая, хотя ночь была жаркая, ткнулся во влажную холщовую рубаху овчара и, заикаясь, просипел: — Дядя Егор! Прости меня!

За всю свою жизнь я не испытал большего раскаяния, чем в тот момент.

— Божечка мой! — причитал Егор. — Да закоченел весь! Милушка моя!

Потом он мыл меня, потом мы шли домой, все той же бесконечной ночью.

...Много лет спустя мама рассказала мне, как они с бабушкой, обливаясь слезами, шли за мной по пятам. Мама несколько раз порывалась подбежать ко мне: больно маленький я был и очень горько плакал, но бабушка останавливалась ее:

— Терпи! Никак нельзя! Сейчас пожалеешь — потом не исправишь...

Были потом у меня и праздники, и изобильные столы, и веселые рыбалки с дядей Егором. Были длинныеочные разговоры под черным и бездонным небосводом, но навсегда осталось чувство вины перед тем, кто дал мне хлеб...

Редакционная коллегия:

игумения Антония - настоятельница Иверского женского монастыря; монахиня Мариамна, посл. Татиана, И. Мурзинова.
По всем вопросам просим обращаться по адресу: 607060, г. Выкса Нижегородской обл., ул. Краснофлотская, 58.

Контактные телефоны: 6-06-14; 3-22-41. "Листок" сверстан и отпечатан в ООО "Полиграфист". Заказ 26133, тираж 999